

Ирина Муравьева

БЛОКАДА ИЗ ПЕРВЫХ УСТ

Музей обороны Ленинграда, созданный в годы войны, — с началом «ленинградского дела», в 1949 году, был закрыт, а в 1952 году ликвидирован¹.

Спустя сорок лет, в 1989 году, Музей обороны Ленинграда был возрожден. И с первых же дней в его фонды, наравне с другими экспонатами, ленинградцы начали приносить дневники и воспоминания блокадников и защитников города: рукописные и перепечатанные, фотокопии и ксерокопии. Их приносили сами авторы, пережившие блокаду, или их дети, родственники, знакомые, соседи. Иногда тетрадки с дневниками и воспоминаниями люди оставляли на вахте музея, не приложив свой номер телефона или адрес. Прошло двадцать пять лет, а документы войны и блокады все продолжают поступать в музей. Вместе с сотнями военных писем они хранятся в рукописно-документальном фонде музея. Иногда экспонируются на выставках, посвященных войне и блокаде.

Взрослые и дети, мужчины и женщины, военные и гражданские фиксировали свое восприятие событий, свои переживания, свое видение происходящего. Лаконичные и подробные, с рисунками и табличками, в маленьких блокнотиках, в тетрадях, альбомах и grossбухах, с фотографиями, вырезками из газет и приложенными документами, эти дневники — бесценные документы эпохи. Они позволяют не просто полнее и подробнее узнать историю блокады, но практически стать ее свидетелем в настоящем времени.

Большинство рукописных дневников трудны для чтения: истлевшие листки, выцветшие чернила или карандаш, неразборчивый почерк автора. Перевод текста из рукописи в печатный вид необычайно кропотливый труд, требующий множества часов, дней, месяцев.

Писать умеют все, а дневники ведут лишь некоторые. Почему ведут дневники? Зачем? Одни делают это всю жизнь, другие долго

¹ Об истории Музея обороны и блокады Ленинграда см. на с. 545.

собираются, размышляют, постепенно втягиваются. Третьих толкают на это сильные душевные переживания, стрессы. Кому-то достаточно одной-двух строчек, чтобы описать накопившееся в душе. Другие пишут очень подробно.

Авторы дневников, собранных в этой книге, начали писать их в первые дни войны или немного позже. Но ясно, что именно война и блокада, невероятность нахлынувших переживаний, их небывалость — заставляли людей взяться за дневник. В этих записях чувствуется огромная потребность излагать пережитое, осмысливать происходящее, оставлять для памяти отдельные факты.

Держа в руках чужой дневник, невольно задумываешься, хотел ли автор делать его достоянием гласности? Имеем ли мы право на публикацию?

Но скоро убеждаешься: автор хотел, чтобы дневник был прочитан. Более того, некоторые фразы, порой прямые обращения к будущему читателю, указывают на то, что и писались дневники для того, чтобы передать близким, детям, потомкам — нам — исключительный, ни с чем не сравнимый блокадный опыт.

«Тот, кому придется знакомиться с этими записками, особенно не бывшими в этот период в городе, — не будет верить всем этим диким фактам, свидетелями коих являемся мы. <...> Сегодня пишу потому, что хочется с кем-то поделиться своими моральными переживаниями. Невыносимо их таить в себе» (И. В. Назимов).

«В эту книгу мы запишем все, что пережили ленинградцы, Котя, папа и мама в дни Великой Отечественной войны. Пусть со страниц книги будет вырываться вой сирены, свист летящих бомб, грохот разрыва фугасок и змеиный посвист снарядов, уродующих наши любимые улицы, дома, наши родные ленинградские очаги, пусть со страниц ее слышится плач детей, осиротевших зимою 1941–1942 года, стоны засыпанных при бомбежках граждан города, напоминая о великой священной мести ненавистному врагу, разжигая пламя ненависти к проклятому фашизму» (К. В. Мосолов).

«Проснулся, выглянул из-под одеяла. Холодно. И быстро опять с головой закрылся. Но подумал, что надо писать дневник, и быстро встал. Вечером писать плохо, потому что полно народу и могут помешать. А сейчас никто не помешает» (Боря Капанов).

В этой книге опубликовано семь дневников: дневник главного инженера 8-й (Дубровской) ГЭС, одной из крупнейших

в СССР, — Льва Ходоркова; дневник заведующего райздравотделом Кировского района Израиля Назимова; дневник лектора Политотдела 42-й Армии Владимира Ге; дневник дознавателя военной Комендатуры Ленинградского гарнизона Владимира Кузнецова; дневник преподавателя ремесленного училища при Адмиралтейском заводе Константина Мосолова; небольшой, в основном состоящий из цитат дневник цензора Софьи Неклюдовой и дневник шестнадцатилетнего бойца противопожарного полка Бори Капранова. Также в эту книгу вошли воспоминания Зинаиды Кузнецовой. 22 июня 1941 года ей исполнилось 13 лет. Именно с этого дня начинаются ее воспоминания, по точности и яркости описываемых событий больше похожие на дневник. Кажется, что спустя десятилетия Зина, как сквозь стену, прошла в свою блокаду.

Эти две «детские» истории занимают в книге особое место.

Потертая тетрадь с пожелтевшими, рассыпающимися листами. На первых страницах рисунки: Кремль, юный барабанщик времен наполеоновских войн, копии плакатов Гальбы и Муратова. Неустоявшийся почерк школьника. Это дневник Бори Капранова. Два с половиной месяца блокадной жизни, с 14 октября 1941 года по 1 января 1942 года. Но какие это месяцы! Вынужденный уход семьи из родного дома в Колпине, комсомольский противопожарный полк, Военно-морское политическое училище... И кошмар декабря 1941 года в общежитии для эвакуированных на улице Салтыкова-Щедрина.

Борин дневник — это трагедия, в которой душевные муки оказываются зачастую сильнее физических мук от голода и холода. Мальчик пишет о том, что никогда не забудет 1941-й год. Но помнить ту страшную для него зиму будем вместо него — мы, потому что в феврале 1942 года, уже в эвакуации, Боря Капранов умрет.

Тринадцатилетняя Зина Кузнецова. Маленький «стойкий оловянный солдатик», она берет на себя заботу о матери.

«У меня была мысль: если меня убьют, мама умрет с голода. Когда обстрел кончился, я стала выбираться и не могла, но боролась. Сделала маленькие ступеньки и вылезла. Нашла я там кочерыжек 4–5 штук и 2–3 листа. Я так была рада, что выбралась и принесу маме обед. Уже стемнело, а идти далеко. Но к ночи добралась. Пришла, а мама почти не дышит...»

«Дома меня заставляла горькая картина. Мама почти всегда лежала в полузабытьи. Я доставала свой сбереженный паек и

скорей старалась положить ей в рот. Масло разогревала и тоже ей в рот лила. Она через некоторое время оживала и узнавала меня».

Машинописный вариант дневника Льва Абрамовича Ходоркова принес в музей его сын, Ходорков Илья Львович. От деятельности Ходоркова, без преувеличения, зависела жизнь города. Первые записи сделаны сухим телеграфным стилем. Отмечены наиболее важные факты, хронология событий. Чувствуется сильнейшая потребность автора зафиксировать все происходящее.

Из дневника мы узнаем, как и в каких условиях ленинградские энергетики боролись за каждую станцию для того, чтобы могли работать хлебозаводы, чтобы в дома хоть изредка поступала вода, чтобы работали станки.

«Сильный мороз. Заморозили паропровод и водяной экономайзер котла № 3. У начальника цеха собрались ИТР. Даю указание, что делать. Входит Воронцов — в соседней комнате умирает кочегар. Мы не прерываем своих занятий. Буфетчица. С лопающимся от жира лицом, со смешком говорит: „Где тут умирающий, пусть перед смертью поест суп“. Все мерзнет. Надо спасать оборудование». «Сердце разрывается смотреть, что делается с нашими людьми. Золотые люди, выросшие в течение 10–20 лет, гибнут». «Замерз водопровод, нет света, не работает уборная, бани, голод, кругом больные, голодные, мертвые».

Станцию, находившуюся в прямой видимости фашистов, разрушали обстрелы и бомбежки, но она продолжала работу, и в этом немалая заслуга Льва Ходоркова.

Дневник Константина Васильевича Мосолова начинается в 1943 году. Он не имеет права писать о работе оборонного предприятия, поэтому только некоторые факты говорят нам о напряженной жизни завода. Дневник ведет вместе с шестилетним сыном Котей.

«Осколки сыпались с неба, как горох, и стучали по крыше, стенам, по мостовой двора. Светили прожектора. В 0.10 стало потише, и мы снова поднялись домой. Котя рисует, мама читает книгу, папа записывает. Спать ложиться немного рано — тревога серьезная, с музыкой. Во время тревог и обстрелов заниматься чем-нибудь, вроде работы, трудно, особенно ночью, а поэтому пишешь в эту тетрадь». Но спокойствие этих записей — кажущееся: «Наверное, у нас у всех тихое помешательство на почве сиюминутного ожидания нависшей, как над баранами, смерти, и в продолжение долгого времени».

О том, как Мосолову далась первая блокадная зима, без слов говорят его фотографии. На снимках мая 1941 года и декабря 1942 года два абсолютно разных человека.

От деятельности Израиля Вениаминовича Назимова также зависела жизнь тысяч людей. Назимов — врач. Натуралистичность его описаний порой ужасает, но он, как и другие авторы дневников, — только фиксирует факты.

Назимов работает в самом опасном районе Ленинграда — Кировском, который находился почти на линии фронта. Не случайно жители проспекта Стачек говорили: «Живем на одной улице с немцами».

Дневник Назимова наполнен поисками возможности спасти людей и город, облегчить жизнь страдающим ленинградцам.

Дневник Владимира Васильевича Кузнецова уникальный в своем роде: в нем рассказывается о работе гарнизонной комендатуры. С этой стороны военных будней мы сталкиваемся впервые. Такой дневник — большая удача для исследователей блокады. Дневник рассказывает о борьбе с дезертирством и воинскими преступлениями. Ежедневно сталкиваясь с действиями, попадающими под строгие наказания — штрафроты, тюремные сроки, — В. В. Кузнецов не озлобился и даже пытается понять причины проступков: «<...> За все время это первый настоящий дезертир. Все остальные — это все-таки не трусы. Это были пьяницы, влюбленные, тоскующие по семьям или не желающие служить там, где они служили».

Но есть и жесткие строки: «Позавчера на ПРБ, перед строем расстреляли пятерых, наиболее квалифицированных дезертиров. Говорят, что это произвело впечатление».

Из дневника В. В. Кузнецова мы узнаем и о создании в Соляном городке выставки «Героическая оборона Ленинграда», прообразе будущего Музея.

Владимир Николаевич Ге профессиональный политработник. Довоенная практика постоянных публичных выступлений наложила отпечаток и на ведение дневниковых записей. Не боясь того, что дневник может быть прочитан кем-то из начальства, автор смело критикует положение в армии, действия командования. Из записей мы получаем уникальные сведения о первых месяцах войны, об особенностях формирования в августе 1941 года кавалерийского эскадрона, о службе охраны складов, о трагических, мало описанных в блокадной литературе фактах работы Дороги жизни и многом другом. Многие записи

потрясают: «Я не знаю ни одного случая открыто выражаемого политического недовольства, возведения на советскую власть вины на обрушившееся несчастье, ропота или возмущения. А ведь в их положении им терять нечего было. И редкие налеты на грузовики или тележки, везущие хлеб или продукты, с целью расхищения были исключением, вызваны острым чувством голода, не носившие в себе никаких признаков протеста. Конечно, были среди такого огромного города и антисоветски настроенные люди, но они не имели массовой базы, несмотря на, казалось бы, „благоприятные“ для этого обстоятельства. Люди не роптали, а мирились. Люди не возмущались, а цеплялись за невидимый луч надежды. Люди ненавидели врага, в нем они усматривали виновника их бедствий. Люди упорно, выбиваясь из последних сил, продолжали работать на оборону города. Люди умирали без протеста и, я бы сказал, без страха. Психологически они себя уже подготовили. Многие похоронили себя еще живыми. Я слышал рассуждения некоторых, что их не пугает то, что они умрут через несколько дней, а их гнетет, что они будут брошены на свалку мертвецов, как и тысячи других до них. Их угнетала мысль, что они умрут, возможно, где-то на дворе или на незнакомой улице, что их не смогут похоронить, а через день, два, три их подберут незнакомые люди, бросят на грузовик, наполненный телами мертвецов, и свалят где-то за городом в вырытый экскаватором котлован. И каждый понимал, что это неизбежно, что власти не могут, не в силах изменить положение».

Дневничок цензора Софьи Неклюдовой похож на сборник блокадного фольклора. Здесь трагическое соседствует с комическим. В дневник она записывает слухи, байки, строки из просмотренных писем. «Кинематографисты на трудовых работах по укреплению города: „Отпустите нас сегодня пораньше, а то к бомбежке опоздаем!“»

«Самая большая в мире библиотека, наверное, те миллионы книг, которые сгорели в ленинградских буржуйках».

«Во время голода многие, прожившие долгую жизнь вместе, узнавали только друг друга теперь. Мужья и отцы съедали пайки своих жен и детей. Подчас крадучись, тайком, что являлось причиной смерти их. О, это надо было пережить, когда мысли ни на минуту не давали покоя — есть, есть, даже во сне!»

«Утром 1-го мечтала подольше поваляться в кровати, почитать, отдохнуть, но нахальные немцы (совсем обнаглели)

без предупреждения, как трахнули снарядом в дом 27, аж дом наш заходил и кровать моя стала заниматься утренней зарядкой...»

«Один ленинградский младенец на вопрос, кого он больше любит, папу или маму, ответил: „Папу, маму и отбой“».

Есть в этих, таких разных дневниках и общее: это скрупулезное, болезненное описание продуктовых норм, выкупленных по карточкам или, наоборот, невыкупленных продуктов, рассказ о днях, когда в магазинах вообще ничего нельзя было выкупить, даже хлеб, потому что его не было...

Почти в каждом дневнике мы встречаем цифры человеческих потерь. Данные разнятся, потому что авторы дневников не знали истинного положения дел в городе.

Мосолов: «Есть такие дни, о которых можно написать целые книги, например, о дне зимою 1942 года, когда в квартире Смирновых умерло сразу 4 человека: муж с женой, дочь и бабушка. Или о том, как, идя на работу, за 15 минут ходьбы встречал по дороге саночки с покойниками, по 15–20 саночек с 1–2–3 покойниками. В эти дни ленинградцы умирали тысячами — говорят, по 30–40 тысяч».

Ходорков: «25/ХІІ–41. Говорят, в день умирает до 10 000 человек. Во всяком случае, умирают в день многие тысячи. 30/І–42 г. Разговоры — от голода уже умерло 700 000–1 000 000, не думаю, что правда, но не менее 300 000 во всяком случае».

Капранов: «31/ХІІ–41 г. В Ленинграде в день помирают, говорят, от 6 до 9 тысяч человек».

Ге: «13 августа 1943 г. Я думаю, что за эту зиму в городе вымерло не менее миллиона человек. Из трехмиллионного населения после эвакуации и вымирания к лету 42 г. осталось, кажется, 800 тысяч человек. <...> ...экскаваторами вырывали могилы — котлованы на 30–40 тыс. человек. Трех-, пятитонные машины разъезжали по городу с наваленными трупами...»

Назимов: «Когда кривая смертности начнет падать? Сегодня в больнице им. Володарского вновь 500 трупов. 60 трупов случайно обнаружено в одной из баррикад. Трупы, трупы, трупы. Сколько их? Тысячи? Много, очень много. Они всюду — на улицах и площадях, чердаках и подвалах, в домах и дворах, около ворот и парадных, в выгребных ямах и уборных. Везде и всюду».

Иногда возникает ощущение, что авторы дневников были свидетелями одной и той же сцены.

Кузнецова: «У госпиталя упала лошадь. Я не знаю, отчего она умерла. За короткое время ее разрезали на куски и растащили, а у меня нечем было резать, или я не могла это делать».

Ге: «...Лошадь еще раз споткнулась и на этот раз упала навзничь. Тишина на улице, медленные движения людей внезапно сменяются необычным оживлением, возгласами, руганью, криками. Все ринулись к упавшей лошади. Неизвестно откуда появился топор, в ход пущены даже перочинные ножи. Началась „разделка“ лошадиного трупа. Люди толкают друг друга, вырывают из рук добычу. Через несколько минут снова воцаряется тишина. Улица вновь опустела».

Ходорков: «К группе лиц подходит кучер: „Т.т. начальники, помогите-спасите, какие-то двое пристали, хотят на ходу лошадь зарезать, пойдёмте, отгоним!“»

Пути этих людей, действительно, пересекались: у Назимова, Ходоркова и в воспоминаниях Кузнецовой описывается жизнь Кировского района. В. Н. Ге работал до войны на фабрике «Равенство», также находившейся в Кировском районе.

Почти в каждом блокадном дневнике зафиксирован день 15 апреля 1942 года, когда по улицам города пошел первый после зимы трамвай (Ходорков: «От волнения чуть не заплакал. Только мы можем знать, что это такое — в Ленинграде трамвай»).

И в каждом блокадном дневнике, наравне с ленинградцами, есть еще одно «действующее лицо» — сам город. Каждый дневник можно назвать признанием в любви к Ленинграду: «Хотя в городе было напряженное состояние, но разрушений еще не было. Народ шел в убежища. Каким родным и прекрасным показался тогда город» (Капранов). «...ночь прекрасна. Луна освещает город. А в домах этого большого прекрасного города по разным уголкам, используя все средства, пытаются согреться люди — взрослые и дети». «Белые ленинградские ночи, распустившиеся липы и тополя, цветущая черемуха и сирень, — как все прекрасно вне войны и как грустно, особо печально видеть эти красоты природы на фоне тяжелых испытаний» (Назимов).

...Сквозь толщу времени дошли до нас голоса этих людей. Они хотели быть услышанными, и мы их услышали. Тех, кто возьмет в руки эту книгу, ожидает большая душевная работа. Именно она требуется для восстановления связи времен.